

ПОЖЕЛТЕВШИМ курочек картона от ветхости расцелился на две половинки. Из помпезно-написанных букв складывались слова: «Пропуск № 9. Тов. Куровой Надежде Павловне, работавшей в должности осветителя. Действителен по 1 октября 1943 года». С краю приклеена фотография: толстощекая девочка с косичками в пионерском галстуке глядит на нас, весело улыбаясь.

За год до войны Наточку (так ее звали и дома, и в школе) снимали для школьной доски Почета. Несколько маленьких фотографий осталось — их она и принесла в театр, когда ее взяли туда на работу.

РЯДОМ
С НАМИ

Девочка с косичками

Этот театр открылся осенью 1942 года. Располагался он в помещении Театра комедии, именовался Городским, ленинградцы называли его Блохад-ным.

До войны Наточка с отцом часто ходила в Малый оперный, любила музыку, но чтобы самой работать в театре — об этом она и думать не думала. И когда пошла проситься на работу, не верила, что ее возьмут, и к пачальнику «осветительного дела» шла с замираньем сердца: во-первых, он может сказать, что она слишком мала — только-только четырнадцать исполнилось, во-вторых, может спросить, что она умеет делать. А что она умеет? «Решать задачи» для пятого класса, писать стихи, танцевать лезгинку. Но начальник стал спрашивать о другом. Где мать, отец, почему не уехала в эвакуацию, сколько классов окончила? Наточка, радуясь, что может ответить на все вопросы, рыгаторилась. И рассказывала, что отец ушел на фронт, что от него уже давно нет вестей, но они с мамой верят, что он вернется. Мама работать не может, у нее дистрофия, но она такая замечательная: ни на что не жалуется, в комнате прибирает, ухаживает, а хлеб делит на части. Сама все сразу не съедает и никому не разрешает: ни ей, Наточке, ни тебе, ни племяннику, ни бабушке. И все ее, большую, слушаются. Почему не уехали? Отец не велел, сказал, чтоб с места не трогались, а то потеряемся...

Константин Николаевич Смирнов слушал ее не перебивая. Потом она узнала, что он всегда так слушает: с вниманием и пониманием, так что не страшно все рассказать. Но любит, чтобы и его слушали внимательно. Когда речь шла о работе, он строго требовал точности.

Осветители тогда было пять: сам Константин Николаевич, дядя Денис Алексеев, старый мастер из Кировского театра, опп, Наточка, и два Васи. Васи бы-

ли постарше, им уже стукнуло по пятнадцать.

Учиться делу нужно было быстро: театр ставил один спектакль за другим. Наточку вырвала ее цепкая память. Требовалось запомнить текст пьесы, либретто оперы или балета и знать, на какой реплике раздвигать шторы прожектора, менять стекла или силу света. Сначала она не доверяла себе, все время смотрела в сценарий. Но скоро уже все помнила наизусть. Даже Константин Николаевич удивлялся, что она никогда не ошибается, и через три месяца перевел ее в регулярную. Вот это было здорово: в ее руках была весь

Больше половины этих зрителей были в военной форме. Женщины сидели в пальто и в платках, но их лица, как бы облитые праздничным чувством, выглядели почти такими, как до войны.

Поскольку в зале никогда не было свободных мест, многие режиссеры в актеры приходили смотреть спектакль с ней, и регулярную. Пристраивались так, чтобы не мешать, и она чувствовала их уважение к делу, которое она делает, и ощущала себя совсем взрослой. Но была минута, когда она снова чувствовала себя девочкой. Тогда, когда кто-то, прохладимом, всовывал ей в руку су-

вернувшись Константин Николаевич, ей через две давали талон на обед — как заслуженной артистке.

Эти талоны их с мамой здорово выручили: к тому времени она обменяла их еду почти все, что было в доме.

Мама потихоньку становилась крепче, но все-таки еще была слаба, и Ната старалась не только подкармливать ее, но и веселить. Поэтому она рассказывала ей только о веселом. Например, о том, как они праздновали день рождения Константина Николаевича. Оби Васи каким-то чудом раздобыли цветы, Наточка выпросила у буфетоворы корзинку: цветы в ней выглядели очень нарядно. Каждый выложил на стол сад, что принес с собой, вскипятили большой чайник. Пили чай, говорили речи, даже песни пели. А потом фотографировались. На этой фотографии Ната в нарядном платье с кружевным воротничком — его сшила ей мама.

А вот о том, как эпизодом выше прямо над ее регулярной разворачивался сараф, Ната дома не рассказывала.

Она не боялась ни обстрелов, ни бомбежек. Она даже не знала, где в театре бомбеубежище. Чего она никогда боялась — так это возвращаться домой по ночам. Смешно сказать — ей чудились припадения.

Ставили «Пиковую даму». Графиню пела Софья Преображенская. Пела так, что каждый раз у Наты пробегал мороз по коже.

А когда появлялся призрак... Она понимала, что это они сами, осветители, создают его с помощью сложных подвесок, и все же после спектакля мычалась домой стрелгла. Все казалось, что призрак страшной дамы мялится невадальек. Нет, не нравился ей «Пиковая дама». Но об этом она никому не говорила; стыдно, да и актеры могут обидеться.

Летом 1943 года в их цех приняли еще двух человек. Стало легче, веселее. Ната была довольна. Но мама заговорила о том, что пять классов — не образование, что пропущено уже два года, нужно возвращаться в школу.

Скоро мама устроилась дворником, а Ната записалась в 220-ю школу, что открылась на улице Жуковского. 1 октября 1943 года она пошла в шестой класс. А в 1944 году ей вручили медаль «За оборону Ленинграда».

Надежда Павловна Курова живет сейчас на улице Красной связи. Получала она квартиру в новостройке, но, не переезжая, поменяла ее, осталась в своем районе.

Школу она закончила после войны, затем юридический факультет ЛГУ. Многие годы работала начальником отдела кадров завода «Полиграфмаш».

Театр продолжает любить. Но с особенным чувством приходит в Театр-комедии. В дом, где прошел год жизни той девочки с косичками, которой она была когда-то. Долгий, трудный и счастливый год.

П. СОЛОВЕВ

театр. Давить рукоятку рестанта — и свет в зале начнет меркнуть, выключи рубильник — и на сцене вспыхнут софиты, тронь другой — осветительная. Это было похоже на игру, но это была работа.

Они тогда работали без выходных и столько часов, сколько нужно: десять, двенадцать, пятнадцать. Репетиция за репетицией, а в пять часов начинался спектакль, потом все нужно было развезти по местам, закрыть, выключить, проверить. Домой возвращалась ночью. Ходить было нехладно, ждали они тогда на улице Некрасова. Спала она, как убита, но утром ее не нужно было будить — вскакивала сама и всегда с радостным настроением, с ожиданием чего-то необыкновенного. И никогда эти ожидания не обманывали ее.

«Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Эсмеральда», «Русские люди», «Нашествие», «Фронт»... Каждый день она видела, как рождаются на сцене спектакли, как работают замечательные артисты С. Преображенская, О. Иордан, Б. Горин-Горяинов...

Ольга Иордан танцевала Эсмеральду, и Наточка видела, как за кулисами артистка падала от изнеможения, а через минуту вихрем врывалась на сцену. Она видела, как во время спектакля упал в обморок Горин-Горяинов. Партнеры привели его в чувство, так, что зрители сочли, что обморок разыгран по ходу действия.

Однажды во время спектакля «Русские люди» погас свет. Она тогда была в регулярной одежде. Что делать? Вскочила, чтобы разыскать Константина Николаевича. По крутой лестнице и при свете было трудно спускаться, а в крошечной тьме... Она выбежала к левой кулисе. И вдруг увидела в зале лучик, второй, третий. Они приближались к сцене. И вдруг она поняла: это горели карманные фонарики, зажигалки. Спектакль продолжался.

харик или леденец. Режиссер Студенцов несколько раз приносил ей по дольке настоящего шоколада. Она пыталась отказываться — ведь они сами были всегда голодные. Но ее никто не слушал... Да и разговаривать ей было некогда. И сцене нужен был свет. И она снова чувствовала себя взрослым, нужным человеком.

Позже, когда мама оправилась от дистрофии, Наточка привезла ее к себе в театр, и мама поймет, чему дочка так ридовалась по утрам, отправляясь на работу.

Еще не прошло и двух недель после перевода ее в регулярную, как слег Константин Николаевич. У дяди Леони распухли ноги, подниматься к ней он не мог.

Шла репетиция «Евгений Онегин». Художник Георгий Иванович Цорн позвал команду. Все шло хорошо. Наточка успевала, оба Васи действовали слаженно. И вдруг команда: — Пистолет в окно!

— Георгий Иванович, у меня нет пистолета.

— Как это нет? — загремел Цорн. — Должен быть! Я же могу ставить рассвет без пистолета!

Наточка помчалась в зал — объяснялись: Георгий Иванович был известен своей строгостью.

— Георгий Иванович, я правду говорю: нет у меня пистолета. Мне давал один мальчик, но я ему вернула.

Георгий Иванович непонимающе смотрел на нее:

— Где Смирнов? Кто ставит свет?

— Константин Николаевич заболел, я ставлю.

— Ты?

Он подошел к ней, обнял, провел рукой по косичкам:

— Ах ты, девочка моя...

А потом объяснил, что пистолет — это ручной прожектор, который наверняка лежит где-нибудь в регулярной.

Васи нашли этот прожектор, и она стала ставить свет в сцене «Письмо Татьяны».

Целых три недели, пока не